

14.

СЪ ПОСОХОМЪ ВЪ РУКЪ...

Съ посохомъ въ рукъ дрожащей, удрученъ, согбенъ, уныль,
 Послѣ долгихъ лѣтъ, скиталець, я завидѣль милый долъ.
 Перешелъ семь горъ высокихъ, семь морей я переплылъ,
 Все утратилъ, нищій странникъ, но до родины добрелъ.

Подходя къ селенью, съ сердцемъ переполненнымъ тоской,
 За околицею, въ полѣ, друга дѣтства повстрѣчалъ.
 «Старина»,—вскричалъ,—«Богъ помочь. Узнаешь, кто я такой?
 Измѣнился?» Мой товарищъ поглядѣль и промолчалъ.

Мѣрю улицу клюкою. Вотъ и милой частоколъ,
 И сама, съ душистой розой, показала у крыльца.
 «Здравствуй»,—молвилъ я,—«сестрица! Богъ намъ свидѣтся
 привель».

Отвернулась, отмахнулась отъ бродяги-пришлеца.

Никну ниже я. Родную вижу хижину, и тынъ,
 И старуху—мать.—«Хозяйка, гостю на ночь дай пріютъ!»
 Содрогнулась и всплеснула мать руками:—«Какъ ты тутъ?»—
 И ко мнѣ въ слезахъ прильнула:—«Сынъ мой милый. Бѣдный
 сынъ!»

15.

ГІАЦИНТУ ЛИ НАГОРІЙ...

Гіацинту ли нагорій,
 Соловью ль, пѣвцу садовъ,
 Вѣтру ль мнѣ повѣдать горе,
 Тѣни ль бѣглыхъ облаковъ?

Бѣлый свѣтъ подобенъ гробу,—
 Словно въ землю я зарыть.
 Увели мою зазнобу!
 Плачу, плачу я навзрыдь.

Безъ нея мнѣ нѣтъ веселья:
 Душу взявъ мою,—ушла
 И, забывчивья, зелья
 Мнѣ отъ ранъ не припасла...

Гиацинту ли нагорій,
 Соловью ль, пѣвцу садовъ,
 Вѣтру ль выплакать мнѣ горе,
 Стаѣ ль бѣлыхъ облаковъ?

16.

ЗВѢРОЛОВЪ, ОЛЕНЬИМЪ СЛѢДОМЪ...

—«Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ
 Рыщешь ты весь долгій день.
 Дикій логъ тебѣ ль не вѣдомъ,
 Гдѣ таится мой олень?»

—«Солнце, сынъ мой, злой кручиной
 Въ горы загнанъ, одичаль.
 Цвѣтъ мой, макъ мой надъ стремниной
 Гдѣ цвѣтетъ,—не примѣчаль?»

—«Брачный платъ зелено-алый
 Повязаль твой сынъ, сестра.
 Мнетъ во снѣ женихъ усталый
 Нѣгу пестраго ковра.»

—«Кто жъ она,—скажи, родимый,
 Коль прослышалъ ты молву,—
 Чью на грудь мой сынъ любимый
 Клонить буйную главу?»

—«Видѣлъ я: склонясь лежалъ онъ
 На скалу, твой удалецъ.
 Не жену къ себѣ прижалъ онъ:
 Онъ зажалъ въ груди свинецъ.»

17.

МОЕЙ МАТЕРИ.

—Межъ цвѣтовъ не макъ алѣть,—
Спитъ онъ въ каменномъ гробу.
Вѣтерочекъ тихо вѣть,
Развиваетъ прядь на лбу».

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную клянущу:
Какъ съ родимую простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горь:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакъ кричить,
Мимовѣйный вѣтръ молчить:
Краемъ крыль души коснулись,
Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
Сладкой звучностью рѣчей
Хоть во снѣ бѣ отвелъ я душу,
Хоть во снѣ бѣ ее подслушалъ!

Какъ покроетъ доли тьма,
Одолѣетъ мать дрема,—
Льнулъ бы къ ней въ туманъ тонкомъ,
Ей привидѣлся бѣ ребенкомъ!

18.

НѢТЬ ТЕБЯ, ДУША ОТЧИЗНА, КРАШЕ...

Нѣтъ тебя, душа-отчизна, краше!
Въ небѣ горы тають. Розу клонить
Вѣтерокъ. Озеръ синѣютъ чаши...
А народъ въ потопѣ крови тонеть!

Отдалъ бы тебѣ, моя отчизна,
Душу я: души единой мало.
Тысячу бѣ, съ одною, отдалъ жизнью:
Дать другія сердце бѣ тосковало!

Я любви твоей сынамъ родимымъ
Жертвою бы сталъ тысячекратной!..
Дай же,—если быть пѣвцу щадимымъ,—
Пѣсню величать тебя пріятной,—

Сѣять кровью политая нива,
Жаворонкомъ съ неба вѣсть восхода:
Зеленѣть огненное диво,
Солнце новыхъ дней встаетъ—свобода!

1.

ОТГАДЧИЦА.

«Дѣвица, красавица!
Обернись я, молодецъ,
Мать-землею черною,—
Чѣмъ бы ты была?»
—«Я бѣ тебѣ покорною
Весенкой цвѣла».

«Дѣвушка—отгадчица!
А прикинись молодецъ
Глубиной озерною,—
Какъ бы догнала?»
—«Утицей проворною
Я бы поплыла».

«А скажи, отвѣтчица!
Растекись въ поднебесье
Молодецъ, въ просторное,—
Что бы ты взяла?»
—«Солнышко дозорное!
Небушко бѣ зажгла!»

2.

НА ЧУЖБИНѢ.

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную клянущу:
Какъ съ родимою простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горь:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?